

Николай Островский: преодоление и возвращение

ПЯТАЯ ЖИЗНЬ

Столетие Николая Островского пока мало кем замечается: не самая актуальная фигура для нашего времени, что поделать. То есть актуальная, конечно, до предела, но вот признаваться себе в такой актуальности мы не желаем никак. Фанатизм — не самая почитаемая в наше время добродетель.

Век. Москва. — 2004. — 2 сент. — с. 36

На моей памяти состоялся по меньшей мере три попытки реанимировать Островского как героя массового сознания. Первая — фильм Николая Мащенко «Как закалялась сталь» 1973 года; сегодня о той картине помнят главным образом, что там дебютировал Владимир Конкин, да еще песня была хорошая на стихи Роберта Рождественского — «Ты только не взорвись на полдороге, товарищ Сердце»... На самом деле песня восходит к опыту святого Франциска Ассизского, который даже собственное тело называл «братец-тело», а уж к волку и подавно обращался «братец-волк»; жизнь и смерть он называл своими сестрицами. Корчагин в трактовке Мащенко и Конкина был как бы таким святым, только советским, — так что вместо обращения «братец» у него было «товарищ»; товарищ тело, товарищ песня, товарищ жизнь. Это вполне соответствовало агитационно-стилистике фильма: Корчагин был сделан героем-мучеником, героем-жертвой, все его боевые и трудовые подвиги обрели поэтический ореол в лучших традициях студии Довженко. Не было и речи о том, чтобы такому Корчагину подражать. На него можно было только молиться.

Вторую — и, кажется, более успешную, потому что более честную интеллектуально — попытку реанимации Корчагина предпринял мой литературный учитель Лев Аннинский, в принципе неспособный написать неинтересно даже о самой слабой книге (а «Как закалялась сталь» — книга сильная). Он поставил себе задачу счистить с этого романа слизь словословий, патину времени и плесень штампов — то есть, по собственному его признанию, написать о Корчагине так, словно до сих пор о нем никто не брался писать вообще. У него получилось: лучшие учителя литературы рекомендовали эту книгу учащимся как единственное пристойное пособие. Аннинский возвел Корчагина к Раскольникову и Рахметову, и никакого парадокса здесь нет: абсолютный примат духа над телом, фанатическая идейность, готовность переступить через кровь — все это генетические черты русских мальчиков, спорить не о чем. Поскольку работа Аннинского появилась в семидесятые, он не мог прямым текстом сказать о том, что и вся советская история с ее репрессиями, цензурой и пренебрежением к личности была прямым продолжением русской, что все наши пятна — родимые, что Корчагин, ненавидевший русскую интеллигенцию, был ее прямым порождением, вымечтанным образом, закономерным развитием идей европейского гуманизма — и не зря у постели Николая Островского рыдал приехавший в СССР Андре Жид. В его довольно скептической книге единственные восторженные строки — об Островском, и в

искренности французского эстетика сомневаться не приходится. Тогдашний читатель Аннинского отлично умел читать между строк. Для него параллель между «Что делать?» и «Как закалялась сталь» — двумя романами-инструкциями — была красноречива и многое проясняла в генезисе советского, которое иные диссиденты старались всячески оторвать от русского. Все, что было в Корчагине хорошего и плохого,росло из золотого века русской культуры — из отечественной идеократии, бескомпромиссности и самоотверженности. Так Корчагин был вписан в контекст — и реанимирован для серьезного разговора о нем.

К сожалению, Аннинский оказался прав и в другом: в 1985 году подпочвенные силы вырвались на поверхность с той же силой, что и в 1917. Начались времена глобального упрощения, «текущего и повального попустительства людей своим слабостям», как назвал это тот же Аннинский в книжке о Льве Толстом. Павел Корчагин — апофеоз насилия над собой — стал рассматриваться в одном ряду с Павлом Морозовым и вызывал насмешки. Героическое оказалось уж очень не в чести и не ко времени. Героем эпохи стал эгоист, а борцов за всемирное счастье стали представлять насильниками и в лучшем случае придурками. Чтобы спасти Дом-музей Островского в Москве и не дать окончательно оплывать прославленное некогда имя, филологи, историки и попросту сотрудники музея стали лепить образ нового Островского — отважного борца с болезнью, кумира инвалидов, предтечи Алексея Маресьева: Маресьев летал без ног, Островский создал два романа, потеряв зрение и способность передвигаться... Это была, конечно, чудовищная уступка времени: неважно, с кем он там боролся и какие идеи его вдохновляли. Важно, что он победил болезнь. В музее Островского стали постоянно открываться выставки работ инвалидов. Конечно, это было все равно, что кипятить суп на молнии, — но Островский оказался хоть так спасен от полного забвения и тотального цинизма новых хозяев жизни.

Сегодня Корчагину, выдержавшему испытание болезнью, официальным признанием и идеологическим развенчанием, предстоит пережить новую переоценку. Когда-то он сумел вернуться в строй, став инвалидом и превратившись в того страшного, высокого человека-мумию, в котором ничто не напоминало красивого комсомольца Колю Островского. Еще трижды воскресал он потом — как мы уже рассказали, посмертно. Пора ему воскреснуть в пятый раз — вне идеологических схем, вне попыток сделать из него святого; сегодня и в контекст русской классики его вписывать бесперспективно, поскольку эту самую русскую классику никто по большому счету не читает. «Что делать?» — роман стопроцентно

забытый, в школьной программе остались только его фрагменты, а Корчагина исключили оттуда вовсе — что, может быть, и к лучшему. Никого нельзя полюбить и понять по принуждению. Теперь задумываться об Островском нас заставляют совсем другие вещи — фанатики-смертники, взрывающие наши дома и самолеты. Фанатизм бесслетен. В одной части света он убывает, в другой — прибывает. Запад поставил человеческую жизнь превыше всего, забыв о том, что жизнь без одухотворяющих ее ценностей не стоит ни копейки. Восход отвечает полным и демонстративным презрением к жизни, словно иллюстрируя христианскую заповедь о том, что имеющий веры хотя бы на горчичное зерно сдвинет гору, а не имеющий веры не сдвинет и зерна.

Сейчас в большой моде стирание граней: мол, у нас была великая эпоха, нам надо одинаково гордиться и властями, и борцами против них, вектор неважен, а главное — масштаб. Во времена всеобщей деидеологизации жертва становится равна палачу: бойцы, так сказать, вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они, а кто кого рубил — неважно. В этой связи вопрос о том, за что боролся Корчагин, предлагается закрыть — давайте, мол, просто восхищаться мужеством. Между тем Корчагин был бойцом не столько социалистической, сколько антропологической революции, без которой никакие социальные реформы ничего не стоят. Скажем, нашим новым хозяевам тоже потребовалась антропологическая революция, и пожалуй — они вывели новый тип человека, который презирает духовное усилие, хочет только жрать, боится только палки и любит только попу. Потребовалось разрушить образование, выморить интеллигенцию, скомпрометировать все ценности, отбросить патриотизм на откуп мерзавцам — и вот вам пожалуйста, новый социальный строй установлен «холодным» способом, без всякой революции и без какого-либо протеста. Какой протест, когда моральные критерии упразднены? Правда, эти самые новые хозяева не учли того, что и в них найдется ниспровергатель, — вот тогда-то они и принялись кричать о том, что народ оскотинился, и воззвали к протесту, да только желающих протестовать не оказалось. Нечто подобное пришлось сделать и большевикам: они действительно вывели нового человека. Этим новым человеком был Павел Корчагин, и противостоять этому гомункулусу не могло ничто. Он победил буржуазию, болезнь и смерть. Павел Корчагин — как и его создатель — был тем самым новым человеком, которого выводила вся культура русской интеллигенции: в этом смысле они со своим ровесником Аркадием Голиковым прошли образцовую «Школу», и даже названия их автобиографических романов перекликаются не случайно. Гайдар и

В 70-х годах Павкой Корчагиным стал Владимир Конкин

Островский оба родились в 1904 году и пятнадцатилетними оказались в самой гуще гражданской войны, а в шестнадцать оба уже были безнадёжными инвалидами. Гайдар повезло чуть больше — последствия контузии довели его всего лишь до психической болезни, но как Островский каждое утро кричал от боли, так и Гайдар каждую ночь кричал во сне от мучительного жжения. Оба пытались воспитать новое поколение борцов за советскую власть — и преуспели в этом: эманации их личностей до сих пор лежат на страницах их книг. Читаешь Островского — и понимаешь, почему инвалиды вставали, парализованные начинали двигаться, коммисованные бежали на фронт, прочитав его. Читаешь Гайдара — и хочешь немедленно защитить от всех внешних и внутренних врагов эту чудесную землю, которая

зывается советской страной. Эти книги написаны безнадежно больными людьми, но запас силы и здоровья, сохраняющийся в них, достаточен, чтобы больная возродилась, а отчаявшийся устыдился. Это лишь слабый отпечаток, бледный след той бури — но и его достаточно, чтобы понять, какого масштаба антропологическая революция свершилась в России в 1917–1921 гг. Да, появившийся из пробырки монстр оказался страшен. Но и велик. И если Россия хочет сохраниться на новом этапе, отвечая на новые вызовы, ей не обойтись без новой антропологической революции; какой она должна быть — вопрос. Но Островский тут — наш верный помощник и союзник. Фанатизм отвратителен, нет слов, но фанатичное упорство в борьбе с болезнью или с террором так же необходимо, как в двадцатом году для строительства узкоколейки. И обвинять любого фанатика в узости и нетерпимости — значит действительно сузить человеческую природу. Перестав быть пассионариями, мы оскотинились; забыв

призыв Ницше к человеку — «Преодолеть человеческое!» — предали человека, ибо он далеко не сводится к частной жизни, чадолюбиву и выполнению законов. Человек есть порыв, и без вечной неудовлетворенности он гроша ломаного не стоит; Корчагин — человек, которого придумали не только Чернышевский и Достоевский, но и Ницше. А о том, как быть со сверхчеловеком, философы спорят до сих пор. Сверхчеловек как белокорая бестия, сытый солдат, жгущий чужие села, — не заслуживает ничего, кроме петли; сверхчеловек, преодолевший плен тела, земного притяжения и социального гнета, — остается единственной надеждой человечества, если оно не хочет бесславно закончить свой путь.

Я не знаю еще, каким должен стать новый человек двадцать первого века. Я знаю только, что без этого нового человека двадцать первый век вообще не наступит. Если у нас не будет новых Корчагиных — не будет и будущего.

Дмитрий БЫКОВ

ПОСТСКРИПТУМ

Эту статью я не столько написал, сколько «проспорил»: мать моя, продолжая активно преподавать, по-прежнему рекомендует детям читать Островского, и они обсуждают его роман с огромным интересом. Корчагин интересует их значительно больше всей современной литературы — в романе Островского по крайней мере наличествует предмет для разговора. Из споров с матерью и получилось все вышеизложенное, так что не благодарить ее было бы неправильно.